

ТРИ БИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКА ТОЛСТОГО

ОЧЕРКИ, СОСТАВЛЕННЫЕ СОФЬЕЙ АНДРЕЕВНОЙ СО СЛОВ ТОЛСТОГО
И ИМ ВЫПРАВЛЕННЫЕ

Публикация Е. С. Серебровской

Первые упоминания о работе С. А. Толстой над биографией Толстого относятся к 1876 г. 17 сентября 1876 г. С. А. Толстая записывает в дневнике: «Велела принести из ружейного шкапа все Левочкины бумаги, и вся ушла в мир литературных его произведений и дневников. Я с волнением переживала целый ряд впечатлений. Но я не могу писать задуманной мной его биографии, потому что не могу быть беспристрастна... Но попытаюсь»¹. Работа была начата 24 октября 1876 г. и продолжалась недолго.

27 февраля 1877 г. С. А. Толстая записывает: «Сегодня, перечитывая дневники старые Левочки, я убедилась, что не могу писать „материалов к биографии“, как хотела. Жизнь его внутренняя так сложна, чтение дневников его так волнует меня, что я путаюсь и в мыслях, и в чувствах и не могу на все смотреть разумно. Жаль оставлять мечту свою»².

От этого периода работы в архиве С. А. Толстой сохранилось начало биографического очерка, озаглавленное: «Материалы к биографии Л. Н. Толстого и сведения о семействе Толстых и преимущественно гр. Льва Николаевича Толстого». Перед заглавием помета: «(Для потомства)» и дата «24 октября 1876 года». Исправлений Толстого в нем нет.

Текст очерка вместе с другими материалами вписан С. А. Толстой в общую тетрадь с надписью: «Мои записи разные для справок» (он занимает лл. 10 об. — 23 и 75). Текст очерка публикуется полностью.

К работе над биографией Толстого Софья Андреевна вернулась в 1878 г. в связи с намерением М. М. Стасюлевича поместить краткую биографию Толстого в IX выпуске «Русской библиотеки», составленном из отрывков его произведений.

По этому поводу С. А. Толстая записывает 16 октября 1878 г.: «Я взялась составить краткую биографию Левочки для нового издания „Русской библиотеки“, кратко составленного из произведений его по выбору Страхова. Издает это Стасюлевич. Оказалось, писать биографию дело нелегкое. Я написала немного, но плохо»³.

Интенсивная работа началась после письма Стасюлевича к Толстому от 24 августа (5 сентября) 1878 г. Стасюлевич писал: «Буду также просить вас доставить мне по крайней мере материал для биографического очерка, если бы вы не пожелали написать сами краткую автобиографию»⁴. С той же просьбой обратился к Толстому и Н. Н. Страхов. 11 октября 1878 г. он писал, что Стасюлевич «просит биографических сведений, и я обещал ему просить вас об них. Сведения, конечно, должны составить род послужного списка, и, я думаю, графиня отлично может его сделать»⁵.

В конце октября С. А. Толстая с помощью Толстого снова начала работать над биографическим очерком. В ее дневнике 1878 г. имеется ряд записей, отражающих характер этой работы.

25 октября: «Вечером вдвоем делали обзор всей Левочкиной жизни для биографического очерка. Он говорил, а я записывала. Дело это шло весело, дружно, и я так рада, что мы это сделали».

27 октября: «... писала Левочкин биографический очерк».

29 октября: «... кончила сегодня биографический очерк жизни его; писала весь день».

16 ноября: «Все пристаю к Левочке поправить написанный мною его биографический очерк и не допрошусь»⁶.

В связи с окончанием очерка Толстой в письме от 10 ноября спрашивал Н. Н. Страхова, что если нельзя в издании Стасюлевича обойтись без биографии, «то какой minimum ее возможен» (т. 62, с. 452). А 22—23 ноября Толстой сообщал Страхову, что биография, для которой С. А. Толстая спрашивала его и «справлялась по письмам и дневникам, вышла превосходная для меня и для меня только. Мне интересно восстановить в памяти свою жизнь. И если бог даст жизни, и я когда-нибудь вздумаю писать свою историю, то это будет для меня канва чудесная; но для публики это немислимо. Мы выберем на днях по вашим вопросам факты и пришлем вам» (т. 62, с. 454).

На другой день, 24 ноября, С. А. Толстая отметила в дневнике: «Я написала в этот день новый биографический очерк, но длинно, и опять потому не годится»⁷.

27—28 ноября законченный биографический очерк с сопроводительным письмом Толстого был отправлен Страхову. Толстой писал: «Вот что мы составили с женой, дорогой Николай Николаевич, и что посылаем на ваше благоусмотрение. Если годится, отдайте, но ничего не прибавляйте, а если нужно, выкиньте, что лишнее» (т. 62, с. 457).

Посланная «Краткая биография Л. Н. Толстого» (четвертая редакция) была напечатана в «Русской библиотеке», вып. IX. СПб., 1879, стр. III—VII.

От этого периода (1878 г.) работы С. А. Толстой над биографией Толстого, кроме черновой рукописи очерка, отправленного Страхову («Еще один самый краткий биографический очерк, написанный мной под диктовку мужа 28 ноября 1878 года»), сохранились в ее архиве еще три редакции «Краткого биографического очерка жизни гр. Л. Н. Толстого». Все рукописи написаны рукой С. А. Толстой и исправлены Толстым. Первая, третья и четвертая редакции написаны на отдельных листах (первая редакция — 9 лл. 4°; третья — 10 лл. 4° и четвертая — 4 лл. 4°). Вторая редакция вписана в тетрадь, озаглавленную «Мои записи разные для справок» (она занимает лл. 58 об. — 64).

В настоящую публикацию входят черновые редакции краткой биографии Толстого, составленной С. А. Толстой.

Публикуемые очерки имеют большую ценность для исследователей как биографический материал, записанный со слов писателя и лично им дополненный. Эти очерки являются единственным источником некоторых ценных сведений о жизни и творчестве Толстого. Только из этих очерков мы узнаем о написанной Толстым в Казани статье о симметрии, о впечатлении, произведенном на Толстого первой хвалебной рецензией на его повесть «Детство», о времени и месте начала работы над «Поликушкой», о новых подробностях декламирования мальчиком Толстым стихотворений Пушкина и т. д.

В очерках обращают на себя внимание многочисленные хронологические неточности в рассказах Толстого о различных событиях своей прошлой жизни. Это характерно для Толстого; подобные неточности встречаются и в его произведениях. Все такие случаи оговорены нами в примечаниях⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891». М., 1928, стр. 108.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 115—116.

⁴ Неизд.—АТ.

⁵ «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894». СПб., 1914, стр. 189.

⁶ «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», стр. 118—124.

⁷ Там же, стр. 126.

⁸ Выдержки из «Материалов к биографии Л. Н. Толстого» были напечатаны в «Биографии Л. Н. Толстого» П. И. Бирюкова (т. I. Изд. 3-е. М.—Пг., 1923, стр. 38, 63) и в книге Н. Н. Гусева «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год» (М., 1954, стр. 70, 93, 106—107, 109, 143—144, 155, 158, 159, 171, 275, 388, 395—396, 426, 474).

<1>

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО И СВЕДЕНИЯ О СЕМЕЙСТВЕ ТОЛСТЫХ И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ГР. ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

24 октября 1876 года

Граф Л. Н. Толстой родился 1828 года, 28 августа в сельце Ясной Поляне, где мы и теперь. Ясная Поляна было имение матери Л. Н., которое она наследовала от отца. Он был четвертый сын графа Николая Ильича и графини Марьи Николаевны, рожденной княжны Волхонской. Имя Лев дано ему было по следующей причине: князь Николай Сергеевич Волхонский был очень дружен с князем Голицыным и еще с детства помолвил свою единственную дочь за сына Голицына. Но молодой князь Лев Голицын умер в молодости, и княжна Марья Волхонская вышедши впоследствии уже не в молодых годах за графа Толстого, назвала в память своего молодого, умершего жениха сына своего Львом¹. Она к нему чувствовала всегда особенную нежность и называла его: «mon petit Benjamin»*.

Еще не было ему двух лет, когда умерла его мать, и потом всегда, на всю жизнь женское попечение о детях перешло в руки дальней родственнице, но прелестнейшей тетушке Татьяне Александровне Ергольской, которая никогда не хотела выйти замуж, навсегда осталась с Толстыми, в семействе которых была воспитана, и воспитала детей, любила их как своих собственных и, наконец, и умерла у нас в доме в глубокой старости 20 июня 1874 года².

Не было еще Льву Николаевичу 8 лет, как раз его отец застал его за какой-то хрестоматией, в которой маленький Л<евочка> с большим увлечением и с интонациями читал стихи Пушкина «На смерть Наполеона». Отца поразила, вероятно, верность интонаций и увлечение ребенка; он сказал: «Каков Лёвка, как читает, ну-ка прочти еще раз». И позвав из другой комнаты крестного отца Льва Николаевича Семена Ивановича Языкова³, он при нем заставил сына читать стихи Пушкина.

Судя по словам старых тетушек, которые мне рассказывали кое-что о детстве моего мужа, и также по словам моего деда Исленьева⁴, который был очень дружен с Николаем Ильичем, маленький Левочка был очень оригинальный ребенок и чудак. Он, например, входил в залу и кланялся всем задом, откидывая голову назад и шаркая. А то раз его заперли в наказание в комнату во втором этаже, а он выпрыгнул оттуда, следствием чего было то, что он сутки проспал, а потом остался совершенно здоров⁵.

Первые года детства прожил Л. Н. в кругу многочисленного своего семейства в Ясной Поляне. Кроме отца, матери и старой бабушки Пелагеи Николаевны⁶, семейство состояло из пяти детей, тетушки Татьяны Александровны, тетушки Александры Ильинишны⁷ и воспитанницы ее Пашеньки. Жили они довольно уединенно, и самые близкие и частые посетители Ясной Поляны были мой дед Исленьев и его шестеро детей, в том числе и мать моя⁸, которую раз, расшалившись, Лев Николаевич столкнул с террасы, и она долго хромала. Впоследствии она смеясь говорила ему, что «видно, ты меня для того в детстве столкнул с террасы, чтоб жениться на моей дочери».

Дом, в котором жило семейство Толстых, был наскоро построен на начатом кн. Волхонским каменном фундаменте отцом Льва Николаевича и был очень велик. Он стоял посреди двух каменных флигелей, построенных тоже Волхонским, и впоследствии был продан по желанию

* мой маленький Вениамин (франц.).

Льва Николаевича во время его пребывания на Кавказе. Теперь он стоит, как был, в селе... помещика Горохова ⁹.

Многие эпизоды из детства Льва Николаевича описаны в его «Детстве». Но не все типы взяты из семейства Толстых. Например, тип «папá» в «Детстве» есть живой портрет моего деда Исленьева; гувернантка Мими тоже жила у деда. Но первый воспитатель их Федор Иванович (в «Детстве» Карл Иванович) действительно существовал и описан таким, каким он был. Потом воспитателем их был умный, живой француз St. Thomas, который, вероятно, видел в меньшем из четырех братьев что-нибудь особенное, потому что он говорил про него: «Ce petit a une tête; c'est un petit Molière» *.

Когда я спрашивала других и самого Льва Николаевича, хорошо ли он учился, то всегда получала ответ, что «нет». Но это, главное, объяснялось тем, что разница лет между им и другими братьями была слишком велика, и им как меньшим плохо занимались.

Когда ему было восемь лет, все семейство жило в Москве, куда поехали, чтоб брать учителей старшим братьям. Глава дома была бабушка; ее все боялись и уважали. Тетушка Александра Ильинишна, несчастная в супружестве, все молилась, принимала странников, помогала бедным и ходила в церковь. Детьми и домом занималась Татьяна Александровна.

Как-то раз летом отец уехал по делам в Тулу и, идя по улице к приятелю своему Тимяшеву ¹⁰, он вдруг упал и умер скоропостижно. Некоторые думают, что он умер ударом, другие предполагают, что его отравил камердинер, так как деньги у него пропали, а именные билеты принесла уже в Москве к Голстым какая-то таинственная нищая.

Когда умер Николай Ильич, тело его из Тулы привезли в Ясную Поляну, и хоронила его Александра Ильинишна и старший сын его Николай. Лев Николаевич рассказывал, какое он испытывал чувство, когда стоял в трауре на панихидах отца. Ему было грустно, но он чувствовал в себе какую-то важность и значительность вследствие такого горя. Он думал, что вот он такой жалкий, сирота, и все это про него думают и знают, но он не мог остановиться на потере личности отца. Отец и мать Льва Николаевича похоронены у нашей церкви в часовне, там и брат Дмитрий.

Смерть сына совсем убила старую бабушку Пелагею Николаевну **. Она умерла тоже через девять месяцев от тоски и горя чахоткой. Опекуншей детей назначена была Александра Ильинишна. Беспомощная, но милая, честная натура, она занималась и делами и детьми.

Меньших — Льва, Митеньку и Машеньку увезли в Ясную Поляну, где они и жили довольно долго с Татьяной Александровной. Старшие учились и жили зимами в Москве с Александрой Ильинишной и м-г St. Thomas. Но и она прожила недолго. Место ее заступила Пелагея Ильинишна, другая, меньшая сестра отца, которая жила в Казани и была замужем за Владимиром Ивановичем Юшковым ¹¹.

Прежде чем оставить совсем тетюшку Александру Ильинишну, надо и о ней сказать несколько слов; история ее очень трогательна.

Замужем она была за графом Остен-Сакен. Он был ревнивый и сумасшедший человек. В первый же год ее замужества она раз ехала с ним в дорогу в карете. Она была беременна на седьмом месяце. Он стал с ней говорить, что кто-то за ним гонится, стал упрекать ее, что она знает, кто гонится, что она в заговоре с кем-то против него, и, наконец, пришел в бешенство, вынул пистолет и выстрелил ей в грудь. Пуля ранила ее на-

* Этот малыш — голова; это — маленький Мольер (франц.).

** Она все плакала, всегда по вечерам велела отворять дверь в соседнюю комнату и говорила, что видит там сына, и разговаривала с ним. А иногда спрашивала с ужасом дочерей: «Неужели, неужели это правда, и его нет?» — *Прим. С. А. Толстой.*

вылет. Вследствие этого, конечно, начались сейчас же родовые муки. Принуждены были остановиться у какого-то дьячка, и Александра Ильинишна родила преждевременно дочь, которая тут же скончалась. Но она все спрашивала, где ее ребенок; все боялись ее огорчить и потому скрывали от нее его смерть. Случилось так, что в том же доме жена дьячка,

ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фотография, 1907 г.

Внизу автографические подписи: «София Толстая. 1862—1907 г.»,
«Лев Толстой. 23 сент. 1907»

Архив Толстого, Москва

у которого было большое семейство, тоже родила дочь; она охотно уступила свою девочку, которую и принесли к больной. Не знаю, почувствовала ли она обман, но знаю, до шести недель она эту девочку считала своей дочерью; и когда после ее выздоровления ей сказали, что это не ее дочь, хотя была очень огорчена, но ответила, что она считала ее шесть недель своей дочерью, так пусть всю жизнь будет считать ее дочерью. И так эта Пашенька, бледная, молчаливая и кроткая, всегда жила с Александрой Ильинишной, называла ее матерью и потом в молодости умерла в чашотке. Лев Николаевич ее помнит, она была член их семьи.

Александра Ильинишна умерла в Оптиной Пустыни. В то время, как она была там, дети оставались в Ясной Поляне с Татьяной Александровной. Но когда пришло известие, что Александра Ильинишна умирает, Татьяна Александровна поехала туда же. Это время особенно памятно было потом всем детям. Они остались с учителем Федором Ивановичем и с странницей Марьей Герасимовной, полуюродивой, которую я знала. Она была крестной матерью маленькой Машеньки, которую родители вымолили у бога как единственную дочь, и потому и в крестные матери ей взяли богомольную, юродивую странницу. Была у них тогда собака черная моська, с которой они играли. Сделали ей трон и сажали ее на этот высокий трон, с которого она все прыгала. Но раз она прыгнула и вдруг завизжала и поползла под стул. Ее осмотрели, и оказалось, что сломана лапа. Отчаяние было ужасное, все плакали навзрыд, а впоследствии это впечатление слилось с воспоминанием об уединении с монотонным пением каких-то псалмов Марьи Герасимовны и с известием о смерти любимой тетушки Александры Ильинишны.

Итак, после смерти Александры Ильинишны все дети, и опека, и дела перешли в руки Пелагеи Ильинишны. Это была добродушная, светская, чрезвычайно поверхностная женщина. Муж ее Владимир Иваныч Юшков не любил ее и относился к ней презрительно. Она же в молодости его очень любила и считала свое сердце разбитым. Но на ней этого не было видно. Всегда живая, веселая, она любила свет и всеми в свете была любима; любила архиереев, монастыри, работу по канве и золотом, которые раздавала по церквам и монастырям, любила поесть, убрать со вкусом свои комнаты, и вопрос о том, куда поставить диван, для нее был огромной важности...

Муж ее был хотя человек умный, но без правил. Жил он бездеятельно, прекрасно вышивал по канве, подмигивал на хорошеньких горничных и играл слегка на фортепиано.

И вот в какую среду попали дети после смерти прекрасных умных родителей.

Когда умерла ее сестра, Пелагея Ильинишна приехала из Казани. Старший брат, Николай Николаевич, который уже был в то время студентом 1-го курса и не перешел на второй, обратился к тетеньке с словами: «Ne nous abandonnez pas, chère tante, il ne nous reste que vous au monde» *. Она прослезилась и задалась мыслью «se sacrifier» **. Что она под этим подразумевала, не знаю. Только она сейчас же стала собираться в Казань и для этого вперед заказала барки, которые потом нагрозила всем, что только можно было вывезти из Ясной Поляны¹². Дворню тоже всю повезли: столяров, портных, слесарей, поваров, обойщиков и проч. В Казани заняли два дома, и все это почему-то тогда считалось нужным.

Льву Николаевичу в то время было 12 лет. Это было в 1840 году, который был голодным годом. Летом, живши в Ясной Поляне, все мальчики имели своих лошадок. У Льва Николаевича была тоже своя, вороненькая лошадка. По случаю голода детским лошадям овса не давали, и они бегали в поле, в шапках приносили чей-то овес и сами кормили своих лошадей. И в голову им не приходило, что это овес какого-нибудь бедного мужика, так сильно было в то время чувство собственности. В многочисленных экипажах, каретах потянулось все семейство осенью из Тулы в Казань. В карете ехали меньшие с тетенькой Пелагеей Ильинишной. Дорогой шла целая жизнь. Останавливались иногда в поле, в лесу, собирали грибы, купались, гуляли. Большое горе было при расставании с тетенькой Татьяной Александровной, которая была в недру-

* Не оставляйте нас, дорогая тетенька, вы теперь у нас одна на свете (франц.).

** принести себя в жертву (франц.).

желюбных отношениях с Пелагеей Ильинишной и уехала к своей сестре графине Елизавете Александровне Толстой¹³ в село Покровское. Неприязнь Татьяны Александровны и Пелагеи Ильинишны происходила оттого, что муж Пелагеи Ильинишны в молодости был влюблен в Татьяну Александровну и делал ей предложение, но она ему отказала. Пелагея Ильинишна никогда не простила Татьяне Александровне любовь ее мужа к ней и за это ее ненавидела, хотя на вид у них были самые фальшиво-сладкие отношения.

Пять лет прожили Толстые в Казани. Каждое лето все семейство, сопровождаемое Пелагеей Ильинишной, отправлялось в Ясную Поляну. Барки нагружались вещами и прислугой и тянулись по Волге, семейство же путешествовало в экипажах. Каждую осень все возвращались в Казань, где все четыре брата вступили в университет. По собственному своему желанию вдруг Лев Николаевич решил, что он поступит на факультет восточных языков, и, не слушая никого, привел в исполнение свое решение, но не выдержал больше года и перешел на юридический факультет. Учился он плохо, всегда ему было трудно всякое навязанное другими образование, и всему, чему он в жизни выучился, он выучился сам, вдруг, быстро, усиленным трудом.

Студенческая жизнь Льва Николаевича мало представляет интересного. Рассказывал он мне на мои вопросы о том, писал ли он тогда что-нибудь, что раз он почему-то много думал о том, что такое симметрия и написал сам на это философскую статью в виде рассуждения¹⁴. Статья эта лежала на столе, когда в комнату вошел товарищ братьев Шувалов¹⁵ с бутылками во всех карманах, собираясь пить. Он случайно увидел на столе эту статью и прочел ее. Его заинтересовала эта статья, и он спросил, откуда Лев Николаевич ее списал. Л. Н. робко ответил, что он ее сам сочинил. Шувалов рассмеялся и сказал, что это он врет, что не может этого быть, слишком ему показалось глубоко и умно для такого юноши. Так и не поверил, и с тем и ушел.

На юридическом факультете пробыл Л. Н. менее двух лет. Братя, кончивши курс, уехали из Казани; пришло время им всем делиться. Оставшись один в университете, Лев Николаевич стал усердно готовиться к экзаменам 2-го курса, но тут он увлекся философией и решил, что учиться незачем. Философией стал он заниматься вот каким путем.

Был в Казанском университете молодой профессор Мейер¹⁶: он обратил особенное внимание и заметил Льва Николаевича. Через студента Пекарского¹⁷ он велел передать студентам и в особенности Льву Николаевичу, чтобы кто-нибудь взял на себя труд написать сравнение наказа Екатерины с «*Esprit des lois*» Montesquieu*. С горячностью взялся за это дело Лев Николаевич и начал изучать Montesquieu, потом философию юридическую, потом философию вообще и бросил учиться; а с свойственной ему горячностью и увлечением весь отдался философии. Приехав в Ясную Поляну, он и сам вообразил себя Диогеном. Сшил себе длинный халат из грубой материи, который не снимал никогда, вел более суровый образ жизни и изучал философов.

Та философия, которую он тогда изложил в записках и дневниках, с некоторыми изменениями, но в сущности своей осталась та же и на всю его жизнь**.

Праздно и бестолково прожил он следующие годы. Молодость, свобода увлекли его в праздность, игру и рассеянную жизнь. Но, живши в деревне, не одни развлечения занимали его. Он взял к себе немца учителя музыки

* «Дух законов» Монтескье (франц.).

** На полях против слов: Та философия и на всю его жизнь написано: Период философский был в 1846 году. Ему было тогда 18 лет

и тут сам своей охотой выучился музыке, которую любил всегда, и занимался ею до старости.

Зиму 1850 года провел Лев Николаевич в Москве. Приехавши, он решил жить аккуратно, ездить в свет, не играть, и первое, что сделал, — пошел к Иверской. Потом занимало его щегольство квартирки, саней, cabinet de toilette и проч. Но, живши в Москве, он уже думал о повести из цыганской жизни, которую все собирался написать. Также писал он тогда о музыке, которой занимался. Умная и добрая тетюшка Татьяна Александровна своими письмами и советами постоянно удерживала его от увлечений игры. Но к концу зимы Л. Н. запутался в мелких делах и суетности московской жизни и вернулся в Ясную Поляну, всегда тихое убежище его от всех волнений жизни. Здесь он сосредоточивался в себе, проверял все дурное и хорошее и всегда находил новые силы на все хорошее. Старый анализ самого себя, постоянная проверка и внутренняя работа, стремление ко всему идеальному во всю жизнь были главными чертами его характера и выработали со временем твердый, высококонрастный и прелестный характер.

Борьба с неудержимо-страстной и живой натурой окончилась все-таки торжеством всего идеального и прекрасного.

В первый раз, живши в Москве, ему пришло в голову описать что-нибудь. Прочитав «Voyage Sentimental» par Sterne *, он, взволнованный и увлеченный этим чтением, сидел раз у окна, задумавшись, и смотрел на все происходящее на улице. «Вот ходит будочник, кто он такой, какая его жизнь; а вот карета проехала — кто там и куда едет, и о чем думает, и кто живет в этом доме, какая внутренняя жизнь их... Как интересно бы было все это описать, какую можно бы было из этого сочинить интересную книгу».

Приехав в Ясную Поляну весной 1851 года, Лев Николаевич застал тут своих братьев. Брат Сергей был страстно увлечен цыганами и влюблен в свою будущую жену — Машу цыганку. Он хотел и Л. Н. завлечь в свою страсть к цыганам вообще и к какой-нибудь цыганке в особенности. Но тут же приехал в отпуск милый, умный старший брат Николай Николаевич, служивший в то время на Кавказе. То всегда верное чувство самосохранения и сердечного понимания, что хорошо и что надо, и на этот раз спасло Льва Николаевича от увлечения. Он вдруг решил, что он едет с братом Николаем служить на Кавказ, и несмотря на холодность брата Сергея, он решения своего не изменил.

В мае 1851 года, в прелестную весеннюю погоду оба брата предприняли путешествие на Кавказ. Письма их с дороги полны веселья, восхищения природой и новизны впечатлений. В Казани они пробыли неделю; здесь повидались они с Загоскиной, начальницей института, которая в их студенческое время была одна из лучших знакомых, умная, энергичная женщина ¹⁸.

Из Саратова до Астрахани плыли они по Волге в маленькой лодочке, и этот род путешествия очень веселил их.

Приехали они в Старогладовскую станицу, где стоял лагерь, в котором служил Николай Николаевич. Впечатление местности, общества офицеров было грустное. В письме своем к тетюшке Татьяне Александровне яркое описание типов офицеров и добродушного, хотя очень ограниченного артиллериста, начальника Льва Николаевича — Алексея ¹⁹. Но вскоре Николай Николаевич получил назначение переходить в Горячеводск (Старый Юрт). И здесь вся картина переменялась. Кавказские горы, живописнейшая местность, горячие ключи с картиной моющих белье ногами татарок под горой, прелестнейшая природа, — все это охватило

* «Сентиментальное путешествие» Стерна (франц.).

дения. Но главное, на Кавказе он начал в первый раз свою авторскую деятельность. На Кавказе, в Тифлисе, было написано «Детство», «Отрочество». Потом «Набег» и «Казак», которые продолжал он в Иере в 1860 году, кончены и напечатаны уже в 1862 году ²¹.

Мне говорил Л. Н., что брат и на талант его имел влияние тем, что он любил все настоящее, всегда вникал в жизни в самую суть всего, не терпел внешности, поверхностности и лжи. И эту любовь к правде передал он незаметно и Льву Николаевичу, и это и в произведениях его есть главная прелесть.

Теперь он иногда говорит: если во мне есть что-нибудь хорошее, то всем, всем я обязан Николеньке. Состояние его души в бытность его на Кавказе очень хорошо выражается словами его дневника; в них видно предчувствие чего-то, чем должен был со временем прославиться Лев Николаевич, не говоря уже о жажде к совершенствованию нравственному. Он еще пишет: «Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким как все. Но отчего это происходит? Не согласие, отсутствие гармонии в моих способностях или, действительно, я чем-нибудь стою выше людей обыкновенных? Я стар, пора развития прошла или проходит, а все меня мучали жажды... не славы, славы я не хочу и презираю ее, а *принимать большое участие в счастье и пользе людей*. Неужели я так и сгасну с этим безнадежным желанием?» ²².

Литературная деятельность его на Кавказе была очень обширна. Там же начал он писать «Роман русского помещика», который не кончил, но который он сам ценит, и жалеет, что не продолжал ²³.

Осенью 1851 года, в октябре, Лев Николаевич должен был переехать в Тифлис держать экзамен. Денег у него не было по случаю игры, от которой он, несмотря на все желание, не мог иногда воздержаться, и потому он на малые средства поселился в Немецкой слободе в домике, окруженном виноградником, с фортепиано для развлечения и с твердым намерением жить аккуратно. Здесь, в Тифлисе, он страдал морально от двух причин: от болезни и от замедления в присылке его бумаг, которые где то затерялись в России, и это мешало производству Л. Н. в офицеры, несмотря на то, что он был в деле и давно мог бы быть произведен. Хотя в Тифлисе он испытывал огорчение от разлуки с братом и от замедления в его производстве, но он был в то время счастлив своим трудом. В первый раз он начал свое «Детство», то радуясь своему труду, то сомневаясь в нем, то говоря себе, что он занялся литературой потому только, что этого очень желала Татьяна Александровна. В январе он снова вернулся в Старогладовскую станицу, но, не застав брата, ушел в экспедицию. Он потом прожил еще несколько месяцев в Старогладовской, томясь ожиданием производства, и продолжал свою литературную деятельность. Хотя бумага, нужная для назначения Л. Н., в батарею еще не приходила, генерал Вольф ²⁴ устроил так, что в январе 1852 года велел написать такого рода бумагу, где предписывалось взять Л. Н. на службу, несмотря на то, что бумага не получена еще, с тем, что когда получится, записать его на действительную службу со дня употребления в батарею.

С этой бумагой, надевши мундир и считаясь фейерверкером 3-го класса, довольный хоть тем, что кончается его бездействие, Л. Н. собирается в Старогладовскую. Но выехать не может по случаю безденежья. Во время этих сборов, наконец, получает деньги и письмо от брата Николая ²⁵, которое доставило ему большую радость. Это очень трогательный эпизод. Летом 1851 года в Старогладовской, где была батарея, шла постоянная игра в карты между офицерами. К ним приходил также играть Садо, тамошний житель, и офицеры его обыгрывали и обсчитывали, потому что Садо не умел считать. Л. Н. не стал играть против Садо и сказал ему, что его обманывают, предложив играть и считать за него. Садо

за это ему был очень благодарен и предложил быть *кунаками* (друзьями). Потом Садо подарил Льву Николаевичу оружие, а Л. Н. ему лошадь, и они были самыми лучшими друзьями, несмотря на то, что Садо был конюх и разбойник. В это же лето Л. Н. проиграл Кноррингу²⁶ все свои деньги и, кроме того, 500 р., на которые дал вексель сроком до января.

Живши в Тифлисе, когда подошел срок, Л. Н. страшно мучился этим долгом и не видел исхода из ужасного положения. Тогда раз вечером он стал молиться, и молиться так, как никогда в жизни не молился, прося бога вывести его из безвыходного положения. Он так верил, что молитва его услышится, что встал на другой день спокойный. И вдруг получает письмо от брата, что Садо был у него и сказал, что он вексель Льва Николаевича выиграл у Кнорринга и разорвал его. И при этом Садо так был счастлив, так наивно и весело хохотал от радости, что Николай Николаевич полюбил его за это.

На станции Моздокской по дороге из Тифлиса он написал тетушке Татьяне Александровне прелестное письмо с мечтами о будущем семейном идеальном счастье²⁷. Все мечты его исполнились, но не стало двух любимых им людей: брата Николая Николаевича и тетушки Татьяны Александровны.

Когда Л. Н. приехал в Старогладовскую, он брата своего там не застал и вскоре отправился на экспедицию. Тут писание «Детства» прекратилось на время, и он весь отдался службе. На экспедицию он отправился волонтером и не мог ничего ожидать за нее — ни чина, ни награды. Но в глубине души его было только одно сильное желание, одна цель, одна мечта — получить Георгия*. Два раза представлялся случай, и оба раза он был разочарован в своих ожиданиях, и это доставило ему такое огорчение, которое он потом не забыл во всю жизнь.

Он рассказывал мне раз, как ему не дали Георгия. Передаю рассказ со слов его. В батарею после 1-й экспедиции 1852 года было прислано несколько крестов для раздачи. Добрый начальник артиллерии уже назначил один георгиевский крест Льву Николаевичу за то, что он действительно действовал в ряду самых храбрых; но при раздаче крестов Алексеев вдруг обратился к великодушью Льва Николаевича.

Обыкновенно кресты эти раздаются самым старым и заслуженным солдатам, которым этот знак потому очень важен, что дает право на пожизненную пенсию, какое они в настоящем чине получают жалованье. Или же Георгия дают молодым юнкерам, находящимся под протекцией начальства. Чем больше Георгиев получают молодые юнкера, тем более их отнимается у старых солдат.

Алексеев обратился к Льву Николаевичу со словами: «вы заслужили крест, хотите я вам его дам, а то тут есть очень достойный солдат, который заслужил тоже и ждет креста как средства к существованию».

Конечно, Л. Н. с отчаянием в душе отказался от креста и от любимой мечты. Но была еще надежда.

Когда по прошествии менее года опять были присланы кресты, то Л. Н. опять был представлен и с нетерпением ждал дня раздачи. Наконец, на другой день должна была исполниться его мечта. Но с свойственным ему неудержимым увлечением он до ночи заигрался в шахматы вместо того, чтобы идти на службу, на остров, где стояли орудия. Дивизионный начальник Олифер²⁸, не найдя его на карауле, страшно рассердился, сделал ему выговор и посадил под арест.

На другой день в полку с музыкой и барабанным боем раздавали Георгиевские кресты. Он знал, что и ему следовало получить этот знак, всю

* На полях против слов: Но в глубине души одна мечта — получить Георгия написано: Служил в 20-й бригаде, 4-й батареейной батарее.

цель, все счастье его заветных мечтаний, и вместо торжества сидел одинокий под арестом и предавался крайнему отчаянию (как он сам говорит) *. В письмах его к тетеньке я не нашла этих подробностей, а там причина неполучения Георгия выставлена та, что замедлили присылкой его бумаг. Он пишет: «19-го февраля было послано представление о наградах, а 20-го получились мои бумаги»²⁹.

Возвратившись в Старогладовскую, Л. Н. продолжал писать «Детство». 1 апреля 1852 года была написана глава о молитве, и он сам пишет о ней, что «вяло». Вот как строг он был к себе. 17 апреля он написал главу «Ивины». Не принимая участия ни в пьянстве, ни в жизни офицеров, одинокий в своем внутреннем мире, он чувствовал свою силу и твердо, последовательно, раз ставши на этот путь литературного творчества, следовал ему. Охота, природа, старый казак Епишка, казачья жизнь, — вот чем он жил, помимо труда. Иногда он вдруг говорил себе, что все дурно, что вяло, растянуто; то вдруг сам плакал над тем, что писал. То он говорил себе, что, например, начатый им «Роман русского помещика» есть «чудная вещь».

К весне 1852 года здоровье Л. Н. совсем расстроилось, и он отправился в отпуск, уехал пить воды и купаться в Пятигорск. Здесь жил он уединенно в маленьком домике, лечился, вел самый правильный образ жизни, почти никого не видал и много работал. Здесь конечно было «Детство» и 9 июля 1852 года отправлено с робким письмом к Некрасову для напечатания в «Современнике»³⁰. Умный, даровитый Некрасов июнал талант молодого начинающего писателя, он напечатал в «Современнике» «Детство» и написал Льву Николаевичу, что повесть его имеет настолько интереса, что может быть напечатана. Вознаграждение начинающим никогда не дают, а за дальнейшее назначают ему по 50 р. за лист.

Л. Н. говорил, что он испытал огромное наслаждение при получении этого письма. В то же время Некрасов написал сестре Льва Николаевича очень лестный о нем отзыв³¹ и появились хвалы неизвестному писателю под литерами Л. Н.³²

В это время, не зная своего успеха, Л. Н. жил на Кавказе и продолжал работать. Поправившись здоровьем в Пятигорске, потом в Железноводске, он вернулся в августе в Старогладовскую на службу. Тут опять получил он бумагу осенью 28 октября 1852, по которой не может быть произведен ранее двух лет.

Он писал родным в Москву, Тулу и Петербург, где и задержали бумаги, и, наконец, уж тетюшка Пелагея Ильинишна через хлопоты князя Дмитрия Александровича Оболенского³³ выручила задержанные бумаги. Но эти постоянные неудачи по службе страшно огорчали Льва Николаевича, но укрепляли в нем силу авторскую и углубляли его в эту работу. Он пишет к тетеньке уже 18 месяцев после своего поступления на службу на Кавказ, что все к лучшему, что он не унывает и ее просит не огорчаться, потому что он нравственно чувствует себя сильнее, лучше и радуется своему исправлению³⁴. А главное, там, в этом уединении, проснулся его талант.

Рассказывал он мне, что раз получили они на Кавказе «Отечественные записки» и Л. Н. стал читать статью: «О Современнике», а там самые лестные похвалы о неизвестном авторе «Детства»³⁵. Он говорил мне: «Лежу я в избе на нарах, а тут брат и Оголин³⁶, читаю и упиваюсь наслаждением похвал, даже слезы восторга душат меня, и думаю: „никто не знает, даже вот они, что это меня так хвалят“».

* На полях против слов: Он знал, что и ему следовало ∞ как он сам говорит написано: Можно получить офицера по выслуге лет и по отличию. По бумагам произведи в офицеры, а не к Георгию.

К 1850-му году. Зимой, т. е. в марте, живя в Москве и не находя довольно нравственных в себе сил, чтобы достигнуть какого-то идеального, морального совершенства, Л. Н. вдруг решил, что ему нужно серьезное занятие, и стал готовиться к кандидатскому экзамену. Но скоро он охладил к этому и стал заниматься английским языком. Бросаясь от одного занятия к другому, во всем у него видна одна цель твердая и несомненная — совершенствоваться. Изредка мелькала мысль о писательстве. Так, в дневнике он пишет: «интересно бы описать жизнь Т<атьяны> А<лександровны>». А то собирался писать повесть из цыганской жизни.

⟨2⟩

⟨ПЛАН БИОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА⟩*

1859 весной в деревню. Осенью охота. Начало школы 1859—60. Летом с сестрою морем из Пбга за границу. В Берлине и Германии смотрел школы. Брат в Соdene. С ним вместе в Гиер. Писал «О народном образовании». Брат там умер. Сам заболел, поехал в Италию — Рим, Неаполь. Оттуда 1860—61 в Лондон. Оттуда в Брюссель. Написал «Поликушку». Назначен посредником. Вернулся в Ясную. Посредничество и школы. Журнал. Писал статьи в журнал. В 1861—62 заболел. Весной в Самару. 1862— женился.

⟨3⟩

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК, НАПИСАННЫЙ СО СЛОВ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО ЖЕНОЙ ЕГО ГР. С. А. ТОЛСТОЙ 25 ОКТЯБРЯ 1878 ГОДА

⟨Вторая редакция⟩

Граф Л. Н. Толстой родился 28 августа 1828 года в Тульской губернии, Крапивенского уезда в сельце Ясная Поляна, принадлежащем матери его, урожденной княжне Марье Николаевне Волконской.

Родители Толстого умерли рано, воспитанием его занимались тетушки с помощью сначала учителя немца Федора Ивановича Реселя**, потом француза М. St. Thomas.

В 1841 году все семейство Толстых перевезено было и тетушкой Пелагеей Ильинишной Юшковой в Казань, где она жила с мужем прежде [А в]***. В 1843 году граф поступил в Казанский университет [по собственному выбору] на факультет Восточных языков³⁷. Пробыв год на этом факультете, он перешел на [2-й курс] юридический. На юридическом [факультете] пробыл он менее двух лет, перейдя на 2-й курс, он перед экзамен<ами> в 3-й он [вышел из университета] начал по совету проф. Мейера заниматься сочинением о «Наказе» Екат<ерины> и, от этого занятия перейдя к сочинениям философских статей, так увлекся этим заня<тием>, что, для того чтобы ничто не мешало его занятиям, вышел из унив<ерситета>; уехал в доставшуюся ему по разделу деревню Яс<ную>

* Запись рукой Толстого.— Ред.

** Здесь и ниже разрядкой набраны вставки Толстого, сделанные им при просмотре рукописи.— Ред.

*** Здесь и ниже в квадратных скобках даны слова, зачеркнутые рукой Толстого.— Ред.

готовиться к кандидатскому экзамену, чтобы поступить на гражданск(ую) службу, не имени(е) чина мучило его. Весной, выдержав успешно один экзамен из уголовного права, он снова переменял свои намерения и уехал опять в Ясную Поляну³⁸. [Здесь начинается период бездействия, жизнь увлечений молодости — охота, цыгане, карты].

С 1848 до 51 он [пров] жил то в деревне, то в Москве, увлекаясь цыганами, [кар] охотой, кутежами и, главное, карта<ми> и много проиграл, растратил свое состояние.

Весной 1851 года, в мае, граф Л. Н. Толстой [опять по собственному влечению решил ехать юнкером] поехал с приезжавшим в отпуск братом Николаем на Кавказ [где служил его старший брат Николай]. С ним он и жил и вскоре по приезду ходил волонтером в набег³⁹.

[На Кавказе гр. Л. Н. встретился у родственника своего графа Ильи Андреевича Толстого⁴⁰ с князем Барятинским, который и уговорил графа Л. Н. поступить на военную службу].

Осенью 1851 года он поступил юнкером в артиллерию, в 20-ю бригаду в 4-й батареейной батарее и поехал в Тифлис держать экзамен в офицеры.

[Здесь] на Кавказе он начал писать. В Тифлисе [началась литературная деятельность графа] он написал «Детство», которое потом продолжал летом в Пятигорске, куда ездил лечиться и откуда и послал в «Современник» первые главы «Детства», напечатанные под литерами Л. Н. Это было 9 июля 1852 г.⁴¹

На Кавказе граф много охотился на кабанов и оленей, много читал, занимался, играл в шахматы и вел самый строгий образ жизни. В 1852 году ходил в экспедицию фейерверкером 4-го класса.

И в 1853 году снова была экспедиция, в которой участвовал граф Л. Н. Толстой [Георгия не дали — сидел под арестом].

Вслед за «Детством» написано было «Отрочество» и начато большое произведение «Роман русского помещика», из которого уже гораздо позднее были напечатаны только несколько глав под заглавием «Утро помещика».

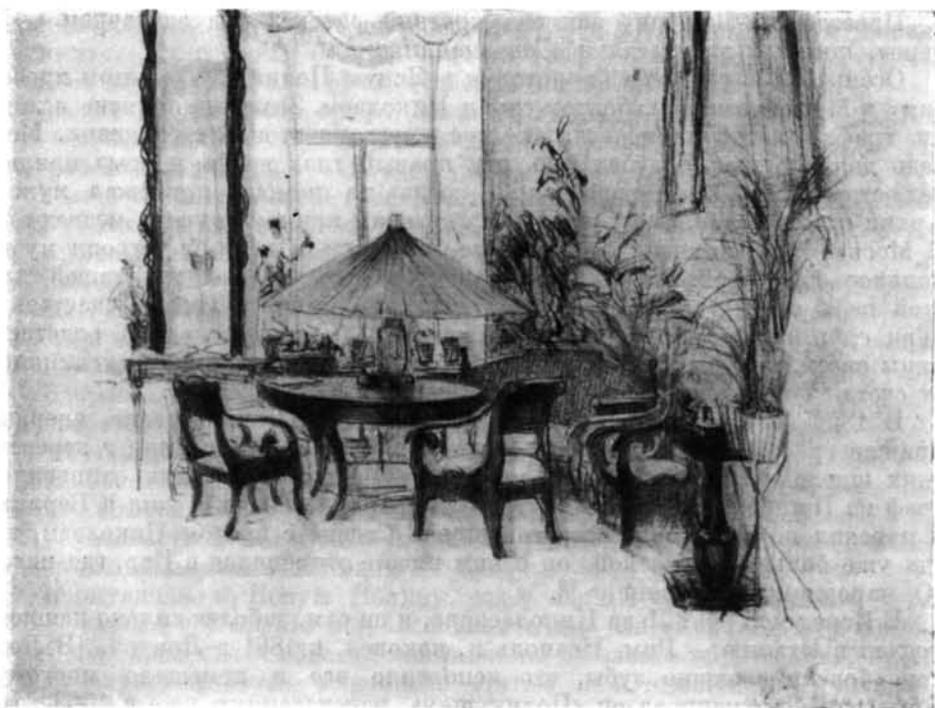
На Кавказе же в октябре 1852 года написан был план «Казаков», начатых под заглавием «Кавказская повесть»⁴². Но продолжение «Казаков» написано было впоследствии в 1860 году в Иере, а окончена и напечатана в 1862 году в Москве в «Русском вестнике»⁴³.

Зимой в декабре 1853 года графа Л. Н. Толстого произвели в офицеры с переводом в Дунайскую армию под начальство князя Мих. Дмитр. Горчакова⁴⁴. Побывав в Ясной Поляне, гр. Л. Н. вернулся в армию и, продолжая служить в артиллерии, отправился в Бухарест. Здесь он служил при штабе главнокомандующего. Находился некоторое время в Ольтенаце [где была переправа].

Летом 1854 года был под Силистрией, а потом из Ясс по отступлении нашей армии по собственному желанию своему перешел в Севастополь. Здесь граф Л. Н. Толстой был зачислен в легкую батарею и стоял на 4-м бастионе до мая 1855 года. [Во время первой кампании литературная деятельность графа на время прекратилась, но и военная карьера была одна из самых несчастливых. По переводе в Севастополь написан был «Севастополь в декабре»].

В мае 1855 года граф назначен был командиром горного дивизиона и послан на левый фланг нашей армии на Бельбек. Здесь написан был «Севастополь в мае» и окончена начатая прежде «Рубка леса».

На Бельбеке находился граф до 4 августа. 4 августа был в сражении у Черной речки и до 27 августа стоял вне Севастополя. В памятный для всех день 27 августа 1855 года находился при штурме Севастополя, после

УГОЛОК ЗАЛА В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ДОМЕ

Рисунок В. Н. Мешкова, 1910 г.

Музей Толстого, Москва

чего был вскоре отправлен курьером в Петербург и перечислен в ракетную батарею в Петербурге под начальством генерала Константинова ⁴⁵.

Зиму 1855—1856 года прожил граф в Петербурге, где сделал знакомство со многими литераторами. Здесь dokonчены и напечатаны были одно за другим: «Отрочество», «Юность», «Севастополь в августе», «Рубка леса» ⁴⁶ (снята группа с литераторами) ⁴⁷.

Прожив лето в Ясной Поляне [влюблен был в Арсеньеву, хотел жениться, но раздумал] ⁴⁸, граф снова зимой 1856—1857 года вернулся в Петербург. Литературная известность стала уже на такую ступень, что три журнала просили сотрудничества, и все три были удовлетворены тремя произведениями: «Два гусара», «Встреча с московским знакомым» и «Утро помещика», написанными еще на Кавказе ⁴⁹.

Лето и осень прожил граф в Ясной Поляне, увлекаясь охотой с борзыми, и глубокой осенью отправился из Петербурга в мальпосте до Варшавы и оттуда за границу в Париж ⁵⁰.

В Париже виделся часто с Тургеневым, Некрасовым, слушал лекции тамошних профессоров, учился по-итальянски.

* Из Парижа ездил с Тургеневым в Дижон, где написал «Альберта».

В 1858 году лето граф жил в Швейцарии ⁵², где сошелся с Карамзинными ⁵³, Пуцциными ⁵⁴, Рябинным ⁵⁵ и А. А. Толстой ⁵⁶, находившейся в то время при в. кн. Марье Николаевне.

* *На полях против слов:* Из Парижа ездил ~ жил в Швейцарии написано С. А. Толстой: [Знакомство с Трубецкими, была мысль жениться на княжне Трубецкой, впоследствии графиня Орлова (жена) посланника в Париже] ⁵¹.

Проездом в Люцерне написал краткий рассказ под заглавием «Люцерн», который напечатал в «Современнике»⁵⁷.

Осенью 1858 года граф воротился в Ясную Поляну⁵⁸, а потом провел зиму в Москве вместе с братом своим Николаем. Зима эта памятна в жизни графа охотой на медведя, которая чуть не стоила ему жизни. Медведь держал уже [в зубах] во рту правый глаз графа и грыз нижней челюстью щеку, а верхней — лоб, когда на помощь прибежал мужик Архип с хворостинкой в руке и энергическим криком спугнул медведя⁵⁹. В Москве граф посещал так называемый «свет» и первый устроил музыкальное общество с содействием других в доме Киреевой, давшей для этой цели свой дом⁶⁰. В этот год написано было «Семейное счастье» и «Три смерти», последнюю повесть писал он <у> подмосковной родственницы своей, старушки княжны Волхонской, куда он на время уединялся от света⁶¹. В Москве сошелся он с семейством Аксакова⁶².

В 1859 году летом, во время пребывания своего в деревне, впервые пришла графу Л. Н. Толстому мысль о народном образовании и деревенских школах*. В 1860 году с мыслью изучения педагогики отправился граф из Петербурга морем с сестрой за границу. Сначала жил в Берлине и проехал по Германии, встретившись в Содене с братом Николаем, тогда уже больным чахоткой, он с ним вместе отправился в Иер, где писал «О народном образовании»⁶³.

В Иере умер брат Льва Николаевича, и он сам, заболев сильно кашлем, поехал в Италию — Рим, Неаполь и, наконец, в 1861 в Лондон. [В Лондоне болели страшно зубы, что испортило все и помешало многому] Брюссель. Тут написал он «Поликушку», напечатанную уже в 1862 году в «Русском вестнике»⁶⁴.

За границей получил граф Толстой известие о своем назначении от правительства мировым посредником. Это был год освобождения крестьян. С энергией [и добросовестностью] взялся он за это дело, которое стоило больших трудов и усилий⁶⁵. Отдавшись весь делу народному, граф Толстой к деятельности посреднической присоединил деятельность школьную.

В 1861 году он открыл по всем соседним с Ясной Поляной деревням деревенские школы, определил учителей из московских студентов, пострадавших в студенческой истории, и начал издавать педагогический журнал под именем «Ясная Поляна»⁶⁶.

Проработав год над этим делом, граф весной 1862 года заболел и, взяв с собой двух любимых учеников яснополянской школы, мальчиков лет 12—13 из крестьян⁶⁷, отправился с ними в Самарскую губернию, в степи к башкирцам пить кумыс.

Вернувшись из Самары в августе, граф Толстой женился 23 сентября 1862 года в Москве на 18-летней дочери доктора Андрея Евстафьевича Берса.

Зиму граф Л. Н. провел в деревне Ясной Поляне, продолжая заниматься школами и хозяйством. В эту зиму напечатаны были «Казак» и «Поликушка» в «Русском вестнике».

После женитьбы [почти] безвыездно жил граф Толстой в Ясной Поляне. Два раза только на короткое время проезжал он с семейством в Москву.

В 1864 году был начат роман «Война и мир». Зимой 1865 года начало его было прочтено в небольшом кружке в Москве и напечатано потом под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год»⁶⁸. Живши три месяца в Москве, граф Толстой занимался скульптурой и ходил учиться лепить в рисовальную школу, но скоро бросил, продолжая работать над большим своим

* На полях: [осень охота]

произведением. Труд этот продолжался до 1869 года. В год писанья и печатанья 6-го тома «Войны и мира» граф Толстой занялся и увлекся сильно изучением философии, особенно Шопенгауэра и других.

Потом деятельность графа Толстого снова обратилась к педагогике. Он составил свои «Азбуки» и «Книги для детского чтения»⁶⁹. Над этим он работал два года.

После «Войны и мира» граф Толстой делал попытки писанья в различных родах. Он изучал эпоху Петра Великого, пробовал писать роман из этого времени, но оставался всегда недоволен своим началом⁷⁰.

Зимой с 1870—1871 года он занялся усидчиво изучением греческого языка. Употребив страшные усилия и изучив язык в три месяца, граф Толстой заболел и снова отправился на кумыс с шурином своим Степаном Андреевичем Берсом⁷¹.

Здоровье его поправилось, силы вернулись. Всю зиму опять провел он, работая над «Азбукой» и занимаясь изучением астрономии.

19 марта 1873 года, прочитав отрывок Пушкина, начинающийся со слов «Гости съезжались на дачу...», граф Толстой вдруг набросал план нового романа. Но лето он, по обыкновению своему, не занимался, а провел с семейством на кумысе и написал воззвание к спомоществованию голодным самарским жителям⁷².

Вернувшись в Ясную Поляну, граф взялся за набросанный роман и продолжал его писать под заглавием «Анна Каренина». В эту же зиму 1874 года граф снова обратил внимание на школьное образование, преследовал звуковой метод и написал статью в «Отечественных записках» «О народном образовании»⁷³.

Литературная деятельность графа, надо надеяться, еще не прекратилась. В настоящее время он продолжает работать, живя безвыездно в имении своем Ясная Поляна, занимаясь хозяйством, воспитанием многочисленной семьи и охотой.

К о н е ц

<4>

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ гр. Л. Н. ТОЛСТОГО

(написанный его женой)

В а р и а н т ы и з т р е т ь е й р е д а к ц и и

<1>

С 1848 года до 1851 года он жил то в деревне, то в Москве, увлекаясь то цыганами, то охотой, то кутежами, то светской жизнью, то занятиями хозяйством и философией, то игрою в карты.

<2>

На Кавказе начал [свою литературную деятельность] писать [длинный] роман, из которого начало составило «Детство», «О<т>рочество» и «Ю<н>ость».

<3>

На Кавказе граф Л. Н. Толстой, кроме охоты и участия в военных действиях, много читал, занимался и вел самый строгий образ жизни, стараясь проживать не более 10 р. в месяц, чтобы уплачивать долги.

<8>

В 1859 году, во время пребывания своего в деревне, граф Л. Н. Толстой начал заниматься школой в Ясной Поляне.

В 1860 году с целью изучения педагогики и лечения заболевшего брата Николая отправился он из Петербурга морем с сестрой Марьей Николаевной за границу. Сначала он жил в Берлине и проехал по Германии, изучая сельские школы, потом, съехавшись в Содене с братом Николаем, болезнь которого все ухудшалась, он с ним вместе отправился в Гьер. В Гьере была написана статья «О нар<одном> обр<азовани>и».

В Гьере умер граф Николай Николаевич. После смерти брата Л. Н., сам больной сильным кашлем, поехал в Италию — сначала в Рим, Неаполь. Оттуда он поехал в Англию.

В Лондоне получил граф Л. Н. Толстой известие о назначении от правительства мировым посредником. [Это было после великого события] во время освобождения крестьян. [Вернувшись] и отправился домой. Л. Н. пробыл по дороге несколько недель в Брюсселе, где написал «Поликушку».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Князь Сергей Федорович Голицын. В своих «Воспоминаниях» Толстой утверждает, что семейное предание о том, что он назван был Львом в честь умершего жениха его матери, неверно, так как у С. Ф. Голицына не было сына Льва (т. 34, с. 352).

² Татьяна Александровна Ергольская (1792—1874) — троюродная тетка Толстого со стороны отца (см. о ней в «Воспоминаниях» Толстого — т. 34, с. 364—367).

³ Семен Иванович Языков (1787—1865) — тульский помещик, опекун малолетних Толстых. О декламировании перед отцом стихотворений Пушкина рассказывает и Толстой в своих «Воспоминаниях» (т. 34, с. 357).

⁴ Александр Михайлович Исламьев (1794—1882) — дед С. А. Толстой со стороны матери.

⁵ Сообщение С. А. Толстой, будто бы мальчик-Толстой выпрыгнул из окна второго этажа, будучи заперт в комнате, по-видимому, не соответствует действительности. М. Н. Толстая иначе передавала этот эпизод (П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. I, М., 1923, стр. 47). С. А. Толстая, вероятно, спутала этот случай с другим из детства Толстого, произведшим на него глубокое впечатление и описанным в «Отрочестве», когда он за какую-то ничтожную провинность был заперт в комнате гувернером Сен-Тома.

⁶ Целаяга Николаевна Толстая (рожд. кн. Горчакова) (1762—1838) — бабушка Толстого со стороны отца.

⁷ Александра Ильинична фон дер Остен-Сакен (рожд. Толстая) (1797?—1841) — тетка Толстого со стороны отца. Муж ее — Карл Иванович фон дер Остен-Сакен (1797—1855), остзейский помещик.

⁸ Любовь Александровна Берс (рожд. Иславина) (1826—1886).

⁹ П. М. Горохов, помещик, которому в 1854 г. был продан на своз в его имение Долгое большой яснополянский дом.

¹⁰ Александр Алексеевич Темяшев (1784—1830-е гг.) — троюродный дядя Толстого, приятель Н. И. Толстого.

¹¹ Целаяга Ильинична Юшкова (рожд. Толстая) (1801—1875) — тетка Толстого со стороны отца. Муж ее — Владимир Иванович Юшков (1789—1869), казанский помещик.

¹² Переезд семьи Толстых в Казань к П. И. Юшковой состоялся осенью 1841 г. («Летопись», I, стр. 20).

¹³ Елизавета Александровна Толстая (рожд. Ергольская) (1790—1851).

- ¹⁴ Статья Толстого о симметрии не сохранилась.
- ¹⁵ Николай Николаевич *Шувалов* (ум. 1885) — студент Казанского университета; упоминается Толстым в «Воспоминаниях», гл. IX (т. 34, с. 382).
- ¹⁶ Дмитрий Иванович *Мейер* (1819—1856) — профессор гражданского права в Казанском, а затем в Петербургском университете.
- ¹⁷ Петр Петрович *Пекарский* (1823—1872) — студент Казанского университета, впоследствии академик.
- ¹⁸ Об Екатерине Дмитриевне *Загоскиной* — см. стр. 532 настоящего тома.
- ¹⁹ Никита Петрович *Алексеев* — командир батареи, в которой служил Н. Н. Толстой и в которую вскоре поступил и Л. Н. Толстой. Упоминаемое письмо Толстого к Т. А. Ергольской, датированное 22 июня 1851 г. — см. т. 59, с. 102—106.
- ²⁰ Перевод части «Сентиментального путешествия» Стерна, сделанный Толстым, — см. т. 1, с. 249—278.
- ²¹ Повесть Толстого «Казак» была напечатана в 1863 г. в «Русском вестнике», № 1.
- ²² Цитата взята из дневника Толстого от 29 марта 1852 г. (т. 46, с. 102). Нами исправлены неточности С. А. Толстой при цитировании.
- ²³ Отдельные главы «Романа русского помещика» (под заглавием «Утро помещика») были напечатаны в «Отечественных записках», 1856, № 12.
- ²⁴ Николай Иванович *Вольф* (1811—1881) — помощник начальника Главного штаба при М. С. Воронцове.
- ²⁵ Речь идет, вероятно, о письме Н. Н. Толстого к Л. Н. Толстому от второй половины декабря 1851 г. (АТ). Отрывок из него со строками о Садо опубликован — т. 59, с. 148.
- ²⁶ Ф. Г. *Кнорринг* — командир взвода легкой батареи. Характеристика его дана в дневнике Толстого от 4 июля 1851 г. (т. 46, с. 67—68).
- ²⁷ Письмо Толстого к Т. А. Ергольской от 12 января 1852 г. (т. 59, с. 159—164).
- ²⁸ *Олифер* (ум. 1854) — штабс-капитан батареи № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады. Приказ Олифера об аресте Толстого от 7 марта 1853 г. напечатан — т. 59, с. 241.
- ²⁹ Письмо к Т. А. Ергольской от 26 июня 1852 г. (т. 59, с. 188—192).
- ³⁰ По дневнику Толстого, «Детство» было отправлено в редакцию «Современника» 4 июля 1852 г. (т. 59, с. 193).
- ³¹ Сообщение С. А. Толстой, будто бы Некрасов написал письмо сестре Толстого с отзывом о «Детстве», неверно. Некрасов познакомился с М. Н. Толстой не ранее 1855 г. Лестный отзыв не о «Детстве», а об «Отрочестве» встречается в письме Тургенева к М. Н. и В. П. Толстым от 4 декабря 1854 г. (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. XII. М., 1958, стр. 176).
- ³² В октябре 1852 г. появилось несколько отзывов об «Истории моего детства» Толстого: «Отечественные записки», № 10, отд. VI, стр. 84—85 (вероятно, С. С. Дудышкина); «Москвитянин», № 19, отд. «Критика», стр. 106—109 (Б. А. Лмазова) и «Пантеон», № 10, отд. IV, стр. 13.
- ³³ Дмитрий Александрович *Оболенский* (1822—1881) был в то время председателем Петербургской палаты гражданского суда.
- ³⁴ Письмо к Т. А. Ергольской от 29 октября 1852 г. (т. 59, с. 208—209).
- ³⁵ Критическая заметка о «Детстве», принадлежавшая, очевидно, С. С. Дудышкину, появилась в № 10 «Отечественных записок» 1852 г. (отд. VI, стр. 84—85).
- ³⁶ Александр Павлович *Оголин* — штабс-капитан батареи № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады.
- ³⁷ Толстой поступил в Казанский университет в сентябре 1844 г. («Летопись», I, стр. 23).
- ³⁸ Толстой уехал в Петербург в феврале 1849 г. Там он держал экзамены на получение звания кандидата университета и успешно выдержал два экзамена: по уголовному праву и гражданскому процессу («Летопись», I, стр. 35).
- ³⁹ Толстой в июне 1851 г. участвовал в качестве волонтера в набеге отряда левого фланга Кавказской армии под командой А. И. Барятинского (1814—1879), впоследствии главнокомандующего Кавказской армией.
- ⁴⁰ Илья Андреевич *Толстой* (1813—1879) — двоюродный дядя Толстого со стороны отца.
- ⁴¹ См. выше прим. 30.
- ⁴² Толстой 19 и 21 октября 1852 г. записал в дневнике программу «Очерков Кавказа»; осуществлена она была частично (т. 46, с. 146).
- ⁴³ См. выше прим. 21.
- ⁴⁴ Михаил Дмитриевич *Горчаков* (1791—1861) — троюродный дядя Толстого со стороны отца.
- ⁴⁵ Константин Иванович *Константинов* (1819—1871) — командир Петербургского ракетного заведения.
- ⁴⁶ Перечисленные С. А. Толстой произведения выходили в свет в следующем порядке: «Отрочество» (1854), «Рубка леса» (1855), «Севастополь в августе» (1856) и «Юность» (1857).

⁴⁷ По предложению Толстого 15 февраля 1856 г. снялись группой: Тургенев, Островский, Дружинин, Толстой, Григорович и Гончаров.

⁴⁸ Валерия Владимировна *Арсеньева* (1836—1909). Письма Толстого к ней напечатаны в т. 60.

⁴⁹ Толстого приглашали сотрудничать редакции «Современника», «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения». В «Современнике» Толстой в 1856 г. напечатал очерк «Севастополь в августе» (№ 1), рассказ «Метель» (№ 3) и повесть «Два гусара» (№ 5); в «Отечественных записках» 1856 г. — «Утро помещика» (№ 12); в «Библиотеке для чтения» 1856 г. — «Встреча в отряде с московским знакомым» (№ 12).

⁵⁰ Толстой выехал из Москвы через Варшаву за границу 29 января 1857 г. («Летопись», I, стр. 143).

⁵¹ Николай Иванович *Трубецкой* (1807—1874) — двоюродный дядя Толстого со стороны матери; его жена Анна Андреевна (ум. 1882) и их единственная дочь Екатерина Николаевна (1840—1885). Николай Алексеевич *Орлов* (1827—1885) с 1859 г. занимал посты русского посла в государствах Западной Европы.

⁵² Толстой провел в Швейцарии март — июль 1857 г. («Летопись», I, стр. 151—161).

⁵³ Екатерина Николаевна *Карамзина* (в замужестве Мещерская) (1805—1867) и Елизавета Николаевна *Карамзина* (1821—1891) — дочери писателя.

⁵⁴ Михаил Иванович *Пушкин* (1800—1869) — брат декабриста, и Мария Яковлевна *Пушкина* — его жена.

⁵⁵ Михаил Андреевич *Рябинин* (1814—1867) — родственник Пушкина.

⁵⁶ Александра Андреевна *Толстая* (1817—1904) — троюродная тетка Толстого со стороны отца.

⁵⁷ Очерк Толстого «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» был напечатан в «Современнике», 1857, № 9.

⁵⁸ Толстой вернулся в Ясную Поляну после первого заграничного путешествия 11 августа 1857 г. («Летопись», I, стр. 163).

⁵⁹ Этот эпизод Толстой описал в рассказе для детей «Охота пуще неволи» (т. 22, с. 579—589).

⁶⁰ Александра Васильевна *Киреева* (1812—1891). По воспоминаниям Толстого, в доме Киреевой (на Б. Никитской) каждую неделю устраивались концерты (Д. П. М а к о в и ц к и й. Яснополянские записки. Запись от 14 августа 1905 г. Рукопись. — АТ).

⁶¹ Варвара Александровна *Волконская* (1785—1878) — двоюродная тетка Толстого со стороны матери. В ее имении Соголево близ Клина Толстой в январе 1858 г. писал «Три смерти».

⁶² Речь идет о С. Т. Аксакове (1791—1859) и его сыновьях Константине (1817—1860) и Иване (1823—1886).

⁶³ Статья «О народном образовании» (1862) появилась в журнале «Ясная Поляна», 1862, № 1 (т. 17, с. 71—132).

⁶⁴ Повесть «Поликушка» была напечатана в «Русском вестнике», 1863, № 2.

⁶⁵ Документы о деятельности Толстого в должности мирового посредника опубликованы Д. Успенским в статье «Архивные материалы для биографии Л. Н. Толстого». — «Русская мысль», 1903, № 9, стр. 76—106.

⁶⁶ Журнал «Ясная Поляна» выходил в течение только 1862 г.

⁶⁷ Толстой взял с собой в Самару лучших учеников яснополянской школы — Василия Морозова и Егора Чернова.

⁶⁸ Толстой в Москве читал А. М. Жемчужникову и И. С. Аксакову 11 декабря 1864 г. первые шесть глав будущего романа («Летопись», I, стр. 304). — Первые главы «Войны и мира» под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» были напечатаны в «Русском вестнике», 1865, №№ 1—2.

⁶⁹ Над «Азбукой» Толстой работал в 1871—1872 гг.; вышла в свет в ноябре 1872 г. «Новая азбука» была начата в конце ноября 1874 г.; вышла в свет в 1875 г. Четыре «Русские книги для чтения» первоначально входили в состав «Азбуки»; в 1875 г. вышли отдельным изданием.

⁷⁰ Роман из эпохи Петра I был начат в 1870 г. Остался незаконченным. Начала романа напечатаны — т. 17, с. 151—215.

⁷¹ Степан Андреевич *Берс* (1855—1910) — брат С. А. Толстой.

⁷² Письмо к издателям (о самарском голоде) (1873) было опубликовано в «Московских ведомостях», 1873, № 207, от 17 августа (т. 17, с. 61—70).

⁷³ Статья «О народном образовании» была напечатана в «Отечественных записках», 1874, № 9 (т. 17, с. 71—132).